© 2020. Н. Л. Ермолаева
независимый исследователь
г. Иваново, Россия

Очерк «Литературный вечер» в контексте творчества И. А. Гончарова 1870-х гг.

В статье предпринят анализ единственного произведения Гончарова о пореформенной России — очерка «Литературный вечер». Привлекая материал критических статей современников Гончарова и работ литературоведов XX–XXI вв., автор статьи доказывает, что вопрос о связях этого очерка с творчеством писателя 1870-х гг. практически не учитывался исследователями, образ одного из главных героев, «водевильного» персонажа Крякова, привлёкший внимание Н. К. Михайловского, других современников писателя, почти не освещён в науке. В результате сопоставительного анализа показана непосредственная зависимость образа Крякова от образа Чацкого, своеобразно истолкованного Гончаровым в статье «Милльон терзаний». В работе прослеживается сходство Крякова и нигилиста Марка Волохова. Нами впервые предпринят анализ художественной структуры очерка с точки зрения использования в его построении приёмов, характерных для драматического произведения, для комедийного жанра. Анализируя образ оппонента Крякова — старика Чешнёва, прототипом которого считают Тютчева, — автор статьи доказывает, что он становится голосом самого Гончарова, выражающим его общественно-политическую, нравственную, эстетическую позицию. Образы Чешнёва и Крякова рассматриваются как олицетворение «отцов» и «детей», примирение которых символично: оно отражает мысль Гончарова о необходимости единения нации на пути великих реформ, осуществляемых Александром II.

Ключевые слова: Гончаров, критика, литературоведение, «водевильность», Кряков, Марк Волохов, Чацкий, драматургия, Чешнёв, авторская позиция.

Информация об авторе: Ермолаева Нина Леонидовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>, доктор филологических наук, доцент, независимый исследователь, г. Иваново, Россия

E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

Дата поступления: 03.06.2020

Дата публикации: 11.09.2020

Для цитирования: Ермолаева Н. Л. Очерк «Литературный вечер» в контексте творчества И. А. Гончарова 1870-х гг. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 200–221. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-200-221>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Nina L. Ermolaeva
independent researcher
Ivanovo, Russia

The sketch “A Literary Evening” in the context of the creative work of Ivan Goncharov of the 1870s

The article analyses the only work about post-reform Russia by Ivan Goncharov, the sketch “A Literary Evening”. Using the material of a series of critical articles of Ivan Goncharov’s contemporaries as well as a number of works by literary critics of the 20th and the 21st centuries, the author proves that the problem of connection of this sketch with the writer’s creative work of the 1870s has not been researched and the image of one of the leading characters, the “vaudeville” figure of Kryakov, who earned particular attention of Nikolay Mikhaylovsky and some of the contemporaries of writer Ivan Goncharov, has not been studied in the science. The comparative analysis shows the connection of Kryakov’s image with that of Alexandr Chatsky, the latter being specifically interpreted by Ivan Goncharov in the article “Myriad of Agonies”. The article also analyses the affinity of Kryakov and Mark Volokhov, a nihilist, viewing the common devices of creation of these characters. For the first time the author of the article analyses the artistic structure of the sketch from the point of view of using both dramatic and comic devices. Analysing the image of the opponent of Kryakov, old Dmitriy Cheshnev, whose prototype is considered to be Fyodor Tyutchev, the author of the article proves that this character becomes the voice of Ivan Goncharov himself necessary to tell directly the progressive social, political, moral and aesthetic position of the writer in the 1870s. The images of Dmitriy Cheshnev and Kryakov are viewed as the personification of “fathers” and “sons”, whose conciliation is symbolic — it reflects Ivan Goncharov’s thought of the necessity of nation unity on the path of the great reforms, which were being held by Alexander II of Russia at that time.

Keywords: Ivan Goncharov, criticism, literary criticism, “vaudeville” character, Kryakov, Mark Volokhov, Alexandr Chatsky, playwriting, Dmitriy Cheshnev, articles of 1870s, position of author.

Information about the author: Nina L. Ermolaeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>, DSc in Philology, associate professor, independent researcher, Ivanovo, Russia

E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

Received: June 10, 2020

Published: September 11, 2020

For citation: Ermolaeva N. L. The sketch “A Literary Evening” in the context of the creative work of Ivan Goncharov of the 1870s // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 3, pp. 200–221. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-200-221>

Очерк «Литературный вечер» был написан И. А. Гончаровым в 1877 г., а опубликован в 1880 г. Он стоит особняком в творчестве писателя, поскольку это его единственное произведение о пореформенной России: действие ранних повестей, романов, «Фрегата “Паллада”», поздних очерков и воспоминаний связано с эпохой дореформенной. События же «Литературного вечера» разворачиваются в Петербурге 1870-х гг. в гостиной высокопоставленного чиновника Уранова, который «угощает» близких ему людей чтением нового романа из жизни высшего общества. Ситуация эта не вымышлена: министр П. А. Валуев, написавший роман из светской жизни «Лорин», попросил Гончарова как близкого знакомого об отзыве и возможной редакторской помощи. После прочтения первой части романа у писателя появилась мысль о создании очерка, в котором и Валуев, и его произведение стали в известном смысле прототипами.

Среди приглашенных в гостиную Уранова есть не только люди его круга, но и «эксперты» в области литературы: «приятель Булгарина и Греча» Краснопёров, редактор журнала, профессор словесности, пожилой беллетрист Скудельников, в образе которого, по признанию автора, он изобразил самого себя, и др. По просьбе хозяина для развлечения публики с его племянником пришел газетный критик Кряков. Первая часть очерка, «Чтение», представляет собой в основном пересказ романа, вторая часть, «Ужин», — его обсуждение, во время которого мнения слушателей расходятся: завсегда и гостиню Уранова и эксперты от литературы соглашались с высокой оценкой произведения, Кряков же категорически не принимает его и позволяет себе резкие выпады в адрес не только романа и его автора, но и всех присутствующих. Кряков выступает здесь как нигилист, ниспровергатель всего и вся, второй Марк Волохов. В завязавшейся полемике Крякову противостоит Чешнёв, умный, образованный старик, прототипом которого принято

считать Ф. И. Тютчева¹. Удивляет читателей финал очерка, в котором автор примиряет оппонентов в споре, поскольку обнаруживается, что Кряков только играет роль нигилиста, на самом же деле это известный актер, порядочный человек.

Содержание и герои очерка не могли не привлечь внимание современных критиков. «Водевиль с переодеванием» — такую оценку дали очерку авторы разных изданий 1880-х гг. Они сошлись в общем мнении, что водевильность «вредит целостности впечатления» [Венгеров: 443], очерк этот — произведение слабое, он «чужд художественного замысла» [Михайловский: 99]. Гончарова упрекали в том, что после многих лет молчания он разразился таким анекдотом, и выносили ему смертный приговор как писателю. Однако уже некоторые современники верно оценили гончаровский юмор, проявившийся в пародийном пересказе романа из светской жизни и характеристиках скучающего в опустевшем майском Петербурге Уранова, его светских гостей.

Образ Крякова критики оценили по-разному. С. А. Венгеров охарактеризовал его как «лицо чисто внешнее, лицо шаржированное», простую маску, мистификацию [Венгеров: 442–443]. Н. К. Михайловский, как и Венгеров, считал, что симпатии автора на стороне Чешнёва, Чешнёв и Кряков — это «отцы» и «дети», Чешнёв — «условная сдержанность и изящество», Кряков — «условная пылкость и неряшество» [Михайловский: 102], однако Кряков — человек «неглупый, искренний и честный» [Михайловский: 100], его эксцентричное поведение говорит о том, что в настоящее время уважение к светскому обществу «весьма мало популярно» [Михайловский: 106]. Е. А. Ляцкий увидел прямую связь между тремя героями Гончарова: «Кряков — преображённый Райский, прошедший школу Марка Волохова» [Ляцкий: 170].

В советское и постсоветское время исследователи искали разные подходы к очерку. Пожалуй, наиболее заинтересованный и подробный анализ его был осуществлён А. Г. Цейтлиным, который признал очерк слабым, выражающим реакционные взгляды писателя, услышал в нём «резкие ноты антинигилистического памфлета» [Цейтлин: 295]. «Литературный вечер» интересовал исследователей как источник сведений об отношениях Гончарова и Валуге, Гончарова и М. Е. Салты-

¹ К. Военский, опубликовавший письма Гончарова к Валуге, высказал такое предположение на основе указания Гончаровым инициалов прототипа героя — «ФИТ». [И. А. Гончаров в неизданных письмах: 45].

кова-Щедрина [Ляцкий; Гейро; Суровцева; Прокопенко]; авторы ряда работ вписали очерк в литературный контекст [Чернец; Окуо Ониси; Сорочан]; другие рассматривали его в текстологическом аспекте [Денисенко 2012]; с точки зрения мастерства Гончарова-портретиста [Багутдинова].

Образу же Крякова, этого второго нигилиста в творчестве Гончарова, литературоведение не уделило должного внимания. Однако, с нашей точки зрения, в нём привлекательна уже акцентированная самим автором двойственность: с одной стороны, по-мальчишески задиристый нигилист, с другой — уважаемый известный актёр. Представляя героя, автор обращает внимание на его внешность: «С тёмно-русой густой бородой, в которой пряталась вся нижняя часть лица и отчасти нос. Одет он был в коротеньком пиджаке и в светлых брюках, по-летнему» [Гончаров 1952. 7: 116]. Такой внешний вид не соответствует вечеру в светской гостиной: чиновник Кальянов и редактор журнала сочли возможным явиться сюда во фраках, дамы демонстрировали свои летние вечерние туалеты. Играя роль нигилиста, Кряков ведёт себя как человек, не знающий «хорошего тона». Он смущен присутствием в богатом доме, где все говорит об изысканном вкусе хозяина: «жал в руках серую мягкую шляпу и, по-видимому, не знал, что с собой делать»; «задевал ногою за щипцы, которые гремели о решетку камина» [Гончаров 1952. 7: 116]; ел и пил много и с большим аппетитом, хвалил угощение — и всем этим привлек всеобщее любопытство. Когда Кряков начинает высказывать свое откровенное мнение об услышанном и оказывается, что оно расходится с мнением окружающих, их возмущает его дерзкое поведение, некоторые из них желают дать ему «урок приличия» [Гончаров 1952. 7: 145]. Однако герой отказывается ему следовать и говорит все смелее и смелее. В изображении Крякова Гончаров несколько не грешит против его современников-нигилистов. Писатель вполне бы мог согласиться с суждением П. А. Кропоткина: «Прежде всего нигилизм объявил войну так называемой условной лжи культурной жизни. Он усвоил себе несколько грубоватые манеры как протест против внешней полированности отцов». «Он отказался от условных форм светской болтовни и выражал своё мнение резко и прямо, даже с аффектацией внешней грубоватости» [Кропоткин: 267, 269].

Весь интерес очерка держится на образе Крякова, здесь создается ситуация, близкая к той, что сложилась в романе «Обрыв», о котором

Н. В. Шелгунов в своей статье «Талантливая бесталанность» писал: «Вся соль романа г. Гончарова заключается в его герое Марке. Вычеркните Марка — и романа нет, нет жизни, нет страстей, нет интереса, “Обрыв” невозможен» [Шелгунов: 246]. Изображая Марка Волохова и Крякова, Гончаров использует одни и те же приемы. Марк сравнивается с животными, с собакой и волком, гости Уранова называют Крякова невоспитанным медведем [Гончаров 1952. 7: 167], «паршивой» и «заблудшей» овцой [Гончаров 1952. 7: 183], автор говорит, что он «рыкал, как лев» [Гончаров 1952. 7: 168], сравнивает его с бульдогом [Гончаров 1952. 7: 158]. На Крякова смотрят «брезгливо» [Гончаров 1952. 7: 156], ему указывают на то, что «нравы обозначаются... очень живо и натурально» «при отсутствии воспитания» [Гончаров 1952. 7: 165]. И в этом вновь можно усмотреть сходство с Марком Волоховым.

Интересно и то, что Райский называет Марка «артистом» [Гончаров 2004. 7: 264]. И Леонтий Козлов, и Вера замечают игру Марка, видят за его вызывающим поведением нечто иное — сознательно и тщательно скрываемую доброту, которой он стыдится. Как и Марк, в светской компании Кряков «покою никому не дает», ведет себя как «шалунище непроходимый» [Гончаров 2004. 7: 264]. По ходу развития его диалога с гостями Уранова у читателя возникает подозрение, что Кряков не тот человек, за кого выдает себя, что он проказник, обманщик, мистификатор. Для читателя автор уже при появлении героя несколько приоткрывает его лицо: студенту Мите, указывая на сановных стариков, Кряков шепчет: «Пусти меня... еще пожалуй, проврешься — вон от тех беды наживешь» [Гончаров 1952. 7: 126]. При всей резкости и задиристости высказываний, очевидной и намеренно подчеркиваемой бестактности и даже агрессивности поведения, Кряков не раз обнаруживает добродушие, душевное согласие с присутствующими. В отличие от современной радикально настроенной молодежи, поклонявшейся популярным в то время французским писателям Э. Эркману и А. Шатриану, их роману «История одного крестьянина», Кряков не знает его содержания и вынужден тихонько справиться о нем у приятеля. Кроме того, гости Уранова вынуждены признать его недюжинную образованность и безупречное знание французского языка, а когда Кряков прощается с присутствующими, они видят, что рука его «была чистая и из рукава виднелись манжеты безукоризненной белизны» [Гончаров 1952. 7: 182]. Все это не соответствует образу истинного нигилиста. Не слу-

чайно, что после ухода Крякова, пока еще никто не узнал в нем известного актера, присутствующие судят о нем по-разному. Одни называют «уродом», для них «это ужас что такое!», для других он — «добрый малый», «умный, образованный», «прелесть». Но вернее всех отзывается о нем главный оппонент в споре, защитник «старой правды» Чешнёв: «Он для меня... загадка!» [Гончаров 1952. 7: 183].

Появление в очерке образа известного актера, связанная с ним мистификация удивляли современников. Однако обращение к контексту творчества писателя 1870-х гг. может многое прояснить. В эти годы он оказался в очень тяжелой жизненной ситуации. Критика недоброжелательно встретила роман «Обрыв», о нем заговорили как о писателе, отставшем от века. Он оставил службу и закрылся в своей холостяцкой квартире. Это обостряло чувство одиночества, собственной ненужности. В середине 1870-х гг. Гончаров напишет свое странное завещание — «Необыкновенную историю».

Невеселыми были думы писателя о современности, его художественным и жизненным принципом всегда был: «*Sine ira*»¹ — закон объективного творчества» [Гончаров 1952. 8: 160]. В 1870-е гг. свобода критики стала символом новой эпохи. А. И. Журавлёва писала об этом: «На фоне отечественных традиций и установлений, в контексте всей истории и идеологии русского самодержавия возможность гласной критики выглядела чем-то невероятным» [Журавлёва: 15]. И хотя Гончаров приветствовал реформу законов печати, работу новой прессы в борьбе «с явными и тайными недоброжелателями России во всех концах Европы», ее помощь в разоблачении внутренних недостатков [Гончаров 1952. 7: 110], он видел, что нападки на старое поколение не способствовали сохранению традиций, повышению культуры человека, но вели к общественному разъединению, к обострению социальных конфликтов. Активный, подчас не освоивший азов культурного поведения разночинец постепенно вытеснял из общественной и культурной жизни пассивного, благовоспитанного дворянина. Писатель понимал, что с утратой уважительного отношения к образу жизни аристократии в 1860–1870-е гг. общество теряет и уважение к серьезному классическому образованию, вековой культуре, нравственному воспитанию. Гончаров связывает эту проблему с образом Марка Волохова. В романе «Обрыв», в статьях «Предисловие к роману “Обрыв”», «Наме-

¹ Без гнева (*лат.*).

рения, задачи и идеи романа «Обрыв», «Лучше поздно, чем никогда» писатель противопоставляет Марка истинным героям эпохи, к каким относит Герцена и Белинского. В «Заметках о личности Белинского» романист не случайно защищает великого критика от упреков мемуаристов в малой образованности.

Как следствие невнимания к классическому образованию, падения общей культуры Гончаров рассматривает происходящее в современном ему театре. В эти годы он посещает спектакли по пьесам Шекспира, Грибоедова, Островского, дружески сходитя с талантливым актером И. И. Монаховым, пишет статьи о театре и драматургии. В статье «Опять “Гамлет” на русской сцене» он сожалеет о том, что «нравы высшего по образованию, европейско-русского общества остаются почти неприкосновенными, ожидающими своего комика и трагика» [Гончаров 1952. 8: 198], что таким актерам, как А. А. Нильский, сейчас нечего играть на сцене, так как его талант не соответствует тем амплу, которые предоставляет современная драматургия. В статье «Мильон терзаний» Гончаров говорит о «*порче вкуса*» (Курсив автора — Н. Е.) публики, о низкой актерской культуре: «Большинство артистов не может также похвастаться... верным художественным чтением. <...> ...с русской сцены все более и более удаляется это капитальное условие» [Гончаров 1952. 8: 78]. Русские актеры не умеют верно читать пьесы Грибоедова, Мольера, Шекспира, Шиллера, «новые исторические драмы, как “Смерть Иоанна Грозного”, “Василиса Мелентьева”, “Шуйский” и др.» [Гончаров 1952. 8: 78]. В обеих статьях Гончаров высказывает опасения за судьбу русского театра и в этом смысле непосредственно сходитя с А. Н. Островским, который на протяжении всей своей жизни был обеспокоен вопросами воспитания и образования актеров [Ермолаева 2014]. Их единомыслие подкреплялось давним близким знакомством, а в эти годы — дружескими отношениями [Ермолаева 2012].

Все эти опасения соединялись в сознании писателя со стремлением высказаться, выразить свое представление о современном герое, сформулировать свой идеал человека. Гончаров несомненно прислушался к мнению публики об идеализации образа Тушина, о нежизнеспособности такого героя. В статьях и воспоминаниях 1870-х гг., и прежде всего в статье «Мильон терзаний», он создает образ героя иного типа.

Новизна истолкования Гончаровым образа Чацкого в статье «Мильон терзаний» очевидна для всех, писавших о ней. Еще Е. Н. Красно-

щёкова указала на центральное положение этой статьи в критическом наследии Гончарова, поскольку во всех последующих «писатель развивал тот же комплекс идей» [Краснощекова: 38]. Эту мысль подхватывает Е. И. Шевчугова, открывшая общность авторских стратегий в статьях писателя 1870–80-х гг. Солидаризируясь с Е. М. Табориской, исследовательница утверждает: «Не создав героя-борца в своём художественном творчестве, Гончаров ищет его в творчестве чужом» [Шевчугова: 266]. При этом имеются в виду герои критических этюдов и воспоминаний писателя: Чацкий («Милльон терзаний» — 1872), Иисус Христос («“Христос в пустыне”. Картина г. Крамского» — 1874), Гамлет («Опять “Гамлет” на русской сцене» — 1875), Белинский («Заметках о личности Белинского» — 1881).

А. А. Аникст считал, что «больше всего в своей характеристике комедии Грибоедова и образа Чацкого Гончаров обязан Ап. Григорьеву, ряд положений которого он воспринял и развил в своей статье» [Аникст: 401]. Словами того же Григорьева об Островском можно было бы назвать Чацкого одним «из высоких вдохновений» Гончарова [Григорьев: 228]. Очевидно влияние этого образа на формирование представлений об идеале человека, высказанных писателем в известном письме к С. А. Никитенко от 21 августа – 2 сентября 1866 г.: «С той самой минуты, когда я начал писать для печати... у меня был один артистический идеал: это изображение честной, доброй, симпатичной натуры, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, встречающего ложь на каждом шагу, обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой натуры» [Гончаров, 1952. 8: 356]. Обращение к героям «Горя от ума», использование сюжетных ситуаций, включение прямых и скрытых цитат из пьесы встречается в произведениях писателя разного времени и разных жанров. Исследователи не раз указывали на то, какое влияние образ Чацкого оказал на образ Егора Адуева из ранней повести писателя «Счастливая ошибка», на образы героев его романов — Александра Адуева, Штольца, Райского [Мещеряков: 237–241; Краснощекова: 37–46, 217, 275, 385; Королева; Денисенко, 2008]. Причины интереса Гончарова к личности Чацкого видели не только в поиске творческого импульса. В. И. Холкин, например, страстно и убедительно доказывает отражение в статье «Милльон терзаний» глубоко и безнадежно драма-

тичных гончаровских «терзаний» периода несостоявшегося романа с Е. В. Толстой [Холкин].

Очерк «Литературный вечер» стоит в ряду тех произведений, в которых Гончаров в очередной раз обратился к «Горю от ума». Уже знакомство с великосветскими гостями Уранова способствует погружению в атмосферу грибоедовской комедии. Их характеристики в полной мере соответствуют гончаровскому суждению о фамусовской Москве: «Лица Фамусова, Молчалина, Скалозуба и другие врезались в память так же твердо, как короли, вальтеры и дамы в картах, и у всех сложилось более или менее согласное понятие...» [Гончаров 1952. 8: 53]. В очерке не раз появляются прямые сравнения гостей Уранова с персонажами комедии. Приятеля Булгарина и Греча Красноперова, провозглашающего: «Страху бы нам, страху! Вот что нужно, а не свободу печати!...» [Гончаров 1952. 7: 138], — Кряков называет Фамусовым [Гончаров 1952. 7: 139]. Генерала, мечтающего о разрешении разногласий, чтобы «всем дружно да мирно идти одним путем, рука в руку», его приятель Сухов сравнивает со Скалозубом [Гончаров 1952. 7: 143]. Фертов, «эхо городских новостей и слухов» [Гончаров 1952. 7: 116], напоминает угодника и разносчика слухов Загорецкого, княгиня Тецкая — графиню бабушку, Лилина — Наталью Дмитриевну, «светская окаменелость» граф Пестов — Тугоуховского. В тексте есть очевидные реминисценции из пьесы Грибоедова: «Что нам за надобность угождать, ведь мы не ребята...» [Гончаров 1952. 7: 139], — говорит Уранов. (Ср.: Чацкий: «Помилуйте, мы с вами не ребята, Зачем же мнения чужие только святы» [Грибоедов: 64]. «Не я один, а и другие заключают...» [Гончаров 1952. 7: 141], — парирует Красноперов (Ср.: Фамусов: «Не я один, все также осуждают» [Грибоедов: 41]. На вопрос генерала о социализме Кряков отвечает: «... Спросите того фельдфебеля, которого Скалозуб хотел дать Репетилову в Вольтеры...» [Гончаров 1952. 7: 168]. Возможны и другие примеры.

Имя Чацкого в очерке не звучит, однако интерес произведения держится на конфликте «века минувшего» с «веком нынешним», олицетворением последнего становится противопоставивший себя всем окружающим актер Кряков, точнее образ героя, который он создает перед гостями Уранова. Близость этого образа не только Марку Волохову, но и Чацкому очевидна, это своего рода современный Чацкий, оказавшийся в фамусовском обществе. Автор наделяет героя Крякова теми качествами, которыми он характеризует Чацкого в статье «Ми-

льон терзаний»: это «честные, горячие, иногда желчные личности, которые не прячутся покорно в сторону от встречной уродливости, а смело идут навстречу ей и вступают в борьбу, часто неравную, всегда со вредом себе и без видимой пользы делу. Кто не знал или не знает, каждый в своем кругу, таких умных, горячих, благородных сумасбродов, которые производят своего рода кутерьму в тех кругах, куда их занесёт судьба, за правду, за честное убеждение?!» [Гончаров 1952. 8: 74]. Речь Крякова «кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен. Словом — это человек, не только умный, но и развитой, с чувством... он “чувствителен и весел, и остёр”» [Гончаров 1952. 8: 56]. Эти цитаты из статьи Гончарова точно характеризуют поведение героя Крякова. Подобно бунтарю Чацкому, Кряков в споре обращается к самым острым вопросам современности: отношение аристократии к народу, положение неимущего большинства, чиновничество и низкопоклонство, система воспитания и образования, предпочтение в свете иностранной культуры и языка. Все это сочетается в его речах со знаковым для нигилизма непочтением к традициям, к аристократии, с нападками на Пушкина. По справедливому суждению Цейтлина, в репликах Крякова «полностью отражаются все крайности “разрушения эстетики”. Гончаров не знает здесь меры; он изображает Крякова бестактным грубияном, говорящим в лицо благовоспитанной публике прописные истины нигилизма» [Цейтлин: 295]. Действительно, как и Чацкий, герой Крякова «впадает в преувеличения, почти в нетрезвость речи...» [Гончаров 1952. 8: 64]. Перед чиновными гостями Уранова «он требует места и свободы своему веку: просит дела, но не хочет прислуживаться и клеймит позором низкопоклонство и шутовство. Он требует “службы делу, а не лицам”... он тяготится среди пустой, праздной толпы “мучителей, предателей, зловещих старух, вздорных стариков”, отказываясь преклоняться перед их авторитетом дряхлости, чиновничества и прочего. Его возмущают... безумная роскошь и отвратительные нравы “разливания в пирах и мотовстве”...» [Гончаров 1952. 8: 71]. Как будто в подтверждение гончаровских слов о Чацком, Кряков бестактно упрекает хозяина дома за излишнюю изысканность и дороговизну предложенного гостям ужина.

В очерке Гончаров как бы наглядно демонстрирует свою мысль, высказанную в статье «Миллион терзаний»: «Каждое дело, требующее обновления, вызывает тень Чацкого — и кто бы ни были деятели, около

какого бы человеческого дела, — будет ли то новая идея, шаг в науке, в политике, в войне — ни группировались люди, им никуда не уйти от двух главных мотивов борьбы: от совета “учиться, на старших глядя”, с одной стороны, и от жажды стремиться от рутины к “свободной жизни” вперед и вперед — с другой. <...> И литература не выбьется из магического круга, начертанного Грибоедовым, как только художник коснется борьбы понятий, смены поколений. <...> В честных, горячих речах этих позднейших Чацких будут вечно слышаться грибоедовские мотивы и слова, — и если не слова, то смысл и тон раздражительных монологов его Чацкого» [Гончаров 1952. 8: 73].

Неожиданный финал очерка, в котором обнаруживается, что Кряков — это не нигилист, а известный актер, Михайловский оценил как оптимистический: в финале очерка, в его эпилоге, герои «расстаются со всеми признаками взаимного уважения» [Михайловский: 101]. Действительно, финал служит как бы подтверждением возможности духовного единения нации: актер дает урок великосветским гостям Уранова, наглядно доказывая, что «порядочность есть везде, она бывает и под армяком!» [Гончаров 1952. 7: 159]: денежный сбор за свое представление он жертвует в пользу герцоговинцев. И гости Уранова вынуждены признать, что этот честный труженик морально превзошел их.

Построение очерка почти не прокомментировано исследователями, очевидно удовлетворившимися мнением Михайловского, писавшего о том, что очерк Гончарова «чужд художественного замысла» [Михайловский: 99], здесь автор прибегнул к форме классической древности, к форме «бесплотного диалога, где нет ничего, кроме идейной исповеди» [Михайловский: 103]. Однако при внимательном прочтении в развитии очерка можно усмотреть все признаки сценического действия, организованного во многом по воле актера. Подобно героям-обманщикам Гоголя — Хлестакову, Чичикову, а в близкой ему по времени драматургии «комедиантам» Глумову, Несчастливцеву, Мурзавецкой, Лидии Чебоксаровой и другим героям Островского, актер разыгрывает перед зрителями комедию. Он как бы выходит на сцену и надевает на себя чужую маску.

Экспозиция очерка, как и в романах Гончарова, значительно растянута. Это первая часть, в ней происходит знакомство читателя с героями и дан объемный пересказ романа Бебикова. В ходе диалога во второй части завязкой служат первые реплики Крякова, резко

высказавшегося против общей одобрительной оценки прочитанного. Далее действие, со всеми положенными ему перипетиями, развивается до кульминационного момента, когда речь заходит о полиции, и Кряков вроде бы пугается возможности оказаться в участке. Образ героя очевидно неустойчив, он вибрирует между Волоховым, Чацким и самим актером, настоящее имя которого не названо. В этом образе постоянно сосуществуют два стереотипа поведения, которые можно обозначить как «приличное» — носителя традиционной культуры и «неприличное» — нигилиста, открыто противопоставившего себя этой культуре.

К развязке действие движется по пути постепенного примирения сторон, если не сближения их идейных позиций, то возрастания человеческих симпатий: вместе с другими гостями Кряков не раз смеется над собственным поведением и язвительными замечаниями в свой адрес, тем самым приоткрывая для читателя и для всех присутствующих свое истинное лицо. Но никто из гостей Уранова так и не узнал актера.

Развязка в очерке совершенно неожиданна. Гончаров здесь комически обыгрывает немую сцену у Гоголя: после ухода Крякова и прочтения Урановым оставленного им приглашения в Павловск на спектакль знаменитого артиста «все общество гостей привстало с мест, хором ахнуло и вдруг оцепенело в молчании.

— Это он! Возможно ли! — шепнул кто-то точно в испуге.

— *Diable! diable! nous sommes joliment attrapés!*¹ — проговорил про себя другой.

Общая картина, которую вполне наслаждался только один зритель, молодой Уранов» [Гончаров 1952. 7: 183–184].

Играя роль бунтаря, Кряков, как и Чацкий, «успел всех вооружить против себя едкими репликами и сарказмами» [Гончаров 1952. 8: 64]. Зорко наблюдая за присутствующими, актер манипулирует их реакцией, намеренно собирает вокруг себя, говоря словами комедии Грибоедова, «мучителей толпу» [Грибоедов: 116], готовых, подобно Фамусову, приударить «в набат» [Грибоедов: 113], для его умирения призвать полицию. Однако до полиции дело не доходит, среди гостей Уранова не все оказываются Фамусовыми и Скалозубами. Гончаров убежден, что в свете есть немало прогрессивно мыслящих патриотов, подобных

¹ Чёрт возьми! Здорово же мы попались! (*франц.*)

Чешнёву, уважительно относящихся к демократическому большинству населения, способных протянуть руку даже таким «сорванцам» [Грибоедов: 25], как герой Крякова.

Благополучный исход острого столкновения чиновной аристократии и носителя новых идей в очерке вполне соответствует представлениям писателя в эти годы. Михайловский увидел в нем единение «отцов» и «детей», под которыми разумел Чешнёва и Крякова: «У Крякова есть свои идеалы, ради которых он способен на самопожертвование и на преданность, как и Чешнёв» [Михайловский: 106]. По мнению же Ляцкого, «Гончаров сам к концу вечера стал решительно на сторону Крякова» [Ляцкий: 171]. Л. В. Чернец пишет: «В идейно-эстетической дискредитации великосветского романа позиции автора, пародийно пересказывающего произведение, и Крякова во многом совпадают», однако «литературно-критические взгляды писателя — не только полемическую, но и позитивную сторону его эстетики» — выражают «в совокупности» «знатоки литературы» [Чернец: 192]. Эту свою мысль исследовательница подтверждает примерами прямых совпадений суждений «знатоков» «о роли идеала, фантазии в искусстве, о тенденциозном романе, о русском языке, о реализме Л. Н. Толстого и др.» с высказываниями самого Гончарова [Чернец: 192–193].

И все-таки до сих пор не вполне проясненной остается нравственная и общественно-политическая позиция писателя, его отношение к мнению Чешнёва по этому поводу. Этот герой, несомненно, является воплощением представлений Гончарова о порядочном человеке, прекрасно воспитанном, глубоко мыслящем, обеспокоенном судьбой Отечества, истинным патриоте. Рядом с ним можно было бы поставить офицеров фрегата «Паллада», В. Г. Белинского, Н. Н. Муравьева-Амурского, святителя Иннокентия из воспоминаний Гончарова, написанных в тот же период, что и «Литературный вечер».

Очевидно, что автору очень дороги и близки слова Чешнёва о духовной и бытовой культуре современного общества: «Давно пора было поднять копьё против буйного натиска на все то, чем живет и держится общество. <...> На человеческие приличия, уважение к человеческому достоинству, сдержанность, обуздание диких страстей — и вместе с этим, конечно, и на соответствующие формы общежития, на утонченность нравов, так же, как на чистый вкус и здравые понятия... в искусствах! Словом, протест против всякой расшатанно-

сти и растрепанности в людском обществе, против всякого звероподобия! <...> Человечество долгим и трудным путем достигало этих результатов, а тут вдруг явилось поколение, которое хочет стереть все добытое тысячелетиями... И что оно поставит на это место?» [Гончаров 1952. 7: 166]. Суждения Чешнёва согреты авторским сочувствием, Гончаров отстаивает классическое образование как необходимый фундамент для каждого культурного человека. Об этом также говорит его герой: «Пусть волчица и не кормила Ромула и Рема, а все-таки нельзя не выучить этой фабулы, — заметил Чешнёв, — вы без всего этого в жизни и шагу не сделаете! Пожалуй, забыть можно, но узнать нужно. Эти предания слились с историей. Мало ли вы выучиваете такого, что вам не понадобится потом в жизни; но все изученное входит в плоть и кровь вашего нравственного, умственного и эстетического образования! Без этой подкладки древних классиков, их образцов во всем — смело скажу, человек образованным назваться не может» [Гончаров 1952. 7: 176].

Общественно-политическая позиция Гончарова выражена в очерке вполне однозначно: все присутствующие в гостиной Уранова, не исключая и «нигилиста» Крякова, не принимают авантюризм М. А. Бакунина и его «Панургова стада». Полемическим ответом писателя в их адрес представляются нам размышления Чешнёва, напоминающие суждения Л. Н. Толстого о «роевой» жизни в «Войне и мире»: «Русский народ исполняет эту свою великую и национальную и человеческую задачу, ...в ней ровно и дружно работают все силы великого народа, от царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, все, как муравьи, живут, работают, как будто вразброд; думают, чувствуют про себя и для себя; говорят, пожалуй, и на разных языках; но лишь только явится туча на горизонте, загремит война, постигнет Россию зараза, голод — смотрите, как соединяются все нравственные и вещественные силы, как все сливается в одно чувство, в одну мысль, в одну волю — и как вдруг все, будто под наитием святого духа, мгновенно поймут друг друга и заговорят одним языком и одною силою! Барин, мужик, купец — все идут на одну общую работу, на одно дело, на один труд, несут миллионы и копейки... и умирают, если нужно — и как умирают! Перед вами уже не графы, князья, военные или статские, не мещане или мужики — а одна великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя — Россия!» [Гончаров 1952. 7: 169]. По поводу этого высказывания Чешнёва

Михайловский писал, что оно могло быть продиктовано только войной в Сербии и Болгарии, Чешнёв не мог бы найти им подтверждения ни в чем, кроме войны [Михайловский: 106]. Кажется, до сих пор это мнение известного критика никто не пытался опровергнуть. Однако «Фрегат “Паллада”» Гончарова, его очерк 1874 г. «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании», в которых он показал единение офицеров и матросов в минуты опасности, позволяют утверждать, что монолог героя отражает давно сложившиеся представления писателя о русской нации. Ту же мысль о единстве нации находим в «Необыкновенной истории»: «Но против узкого и эгоистического радикализма юношей-недоучек, против партий действия санкюлотов — общество вооружено здравомыслием, зрелостью и всякою, то есть и моральною, интеллектуальною и вещественною силою — и разливу этих крайних безобразий радикализма помешают — все и всё» [Гончаров 2000: 271].

Гончаров считал, что с приходом к власти Александра II Россия «переживает великую эпоху реформ: такой эпохи, такой великой работы всего царства не было с Петра» [Гончаров 1952. 8: 128]. В эпоху активных нападков на аристократию со стороны демократического лагеря Гончаров не оставляет веры в положительное значение людей света для культурной, общественной и политической жизни страны, веры в успех реформ при условии духовного единения прогрессивно настроенных представителей аристократии и демократического большинства.

В отличие от многих современников, он оптимистично смотрит в будущее и достаточно ясно высказывает это в письмах и статьях. «Позавидуют потомки нам, что мы переживаем величайшую эпоху русской жизни и что от этой эпохи потянулась необозримая перспектива всей громадной будущности России, теряясь в недоступном пространстве» [Гончаров 1952. 8: 108–109]. И хотя, по словам Гончарова, «новая жизнь и новые люди не вылупились еще из яйца» [Гончаров 1952. 8: 128], он верит, что на смену романтикам и идеалистам, зараженным обломовщиной и не способным к практической деятельности, в настоящее время приходят деловые, знающие, целеустремленные люди, и приветствует их в образе деятельного и сердечного Тушина, героя скорее будущего, чем настоящего. Как и большинство русских писателей, его современников, Гончаров убежден в антипоэтичности буржуазных начал в новом жизненном укладе, но признает и его положительные

стороны: приобщенность к европейской культуре и прогрессу, деловую активность.

Заключая, хотелось бы сказать о том, что очерк «Литературный вечер» был необходим Гончарову для того, чтобы прямо высказать свою общественно-политическую, нравственную, эстетическую позицию в 1870-е гг., он тесно связан со статьями и воспоминаниями писателя этого времени и прежде всего со статьей «Милльон терзаний».

Список литературы

Аникст А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М.: Наука, 1972. 639 с.
Багаутдинова Г. Г. Ритмообразующие принципы создания портретов персонажей в «Литературном вечере» И. А. Гончарова // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 2. С. 228–231.

Гейро Л. С. И. А. Гончаров и М. Е. Салтыков-Щедрин: (О «Литературном вечере» Гончарова) // Вестник Ленинградского университета. 1967. № 14. Вып. 3. С. 84–93.

Гончаров И. А. Необыкновенная история: (Истинные события) // И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования (Литературное наследство. Т. 102). М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. С. 184–326.

Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–.

Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1952.

Грибоедов А. С. Горе от ума. Л.: Детская литература, 1975. 176 с.

Григорьев А. А. Театральная критика. Л.: Искусство, 1985. 408 с.

Денисенко С. В. «Мильон терзаний» И. А. Гончарова в театральном дискурсе // Русская литература. 2008. № 2. С. 122–130.

Денисенко С. В. О прототипах и персонажах «Литературного вечера» И. А. Гончарова. Из заметок комментатора к первоначальному и печатному текстам // Русская литература. 2012. № 2. С. 90–97.

Ермолаева Н. Л. И. А. Гончаров и А. Н. Островский об актерах, театральном репертуаре и публике // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома: КГУ, 2014. С. 33–36.

Ермолаева Н. Л. Гончаров Иван Александрович // А. Н. Островский: Энциклопедия. Кострома: Костромаиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. С. 110–112.

Журавлёва А. И. «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Литература в школе. 1998. № 3. С. 12–18.

И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валуеву. 1877–1882. СПб.: Типография Воейкова, 1906. 64 с.

Икуо Ониси. «Литературный вечер» с точки зрения металитературы // И. А. Гончаров: Материалы международной научной конференции, посв. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: ООО НИКА-дизайн, 2008. С. 231–235.

Королева М. Л. Чацкий — литературный предшественник Райского? (Грибоедовские реминисценции в «Обрыве» Гончарова) // Русская словесность. 2008. № 2. С. 11–15.

Краснощечкова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

Кропоткин П. А. Записки революционера. Лондон; Санкт-Петербург: Свободная мысль, 1906. 435 с.

Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь и творчество. СПб.: Огни, 1912. 324 с.

Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX века). Л., Наука, 1983. 268 с.

Н. М. [Михайловский Н. К.] Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 1. Р-л «Современное обозрение». С. 94–107.

Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 224 с.

С-В. [Венгеров С. А.] Новое произведение И. А. Гончарова. *Литературный Вечер, очерк* (*Русская Речь*, январь, 1880) // *Русский вестник*. 1880. № 1. С. 440–462.

Сорочан А. Ю. Два литературных вечера: Загоскин и Гончаров // И. А. Гончаров: Материалы международной научной конференции, посв. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: ООО НИКА-дизайн, 2008. С. 247–252.

Суровцева Е. В. Письма И. А. Гончарова к П. А. Валуеву // *Научное признание* 2019. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 29–35.

Холкин В. И. Опыт воспоминаний сердца в «Миллионе терзаний» // Гончаров после «Обломова». Сборник статей. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге. Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. С. 243–257.

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 491 с.

Чернец Л. В. «Как слово наше отзовется...». М.: Высшая школа, 1995. 239 с.

Шевчугова Е. И. Авторские стратегии в критических статьях И. А. Гончарова // Гончаров после «Обломова». Сборник статей. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге. Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. С. 258–272.

Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность // И. А. Гончаров в русской критике. Сборник статей. М.: ГИХЛ, 1958. С. 235–276.

References

- Anikst A. *Teoriia dramy v Rossii ot Pushkina do Chekhova* [The theory of drama in Russia from Pushkin to Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 639 p. (In Russ.)
- Bagautdinova G. G. *Ritmoobrazuiushchie printsipy sozdaniia portretov personazhei v "Literaturnom vechere" I. A. Goncharova* [Rhythm-forming principles for creating character portraits in the "Literary evening" by I. A. Goncharov]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University]. 2019, Vol. 13, № 2, pp. 228–231. (In Russ.)
- Geiro L. S. I. A. Goncharov i M. E. Saltykov-Shchedrin: (O "Literaturnom vechere" Goncharova) [I. A. Goncharov and M. E. Saltykov-Shchedrin: (On the "Literary evening" by Goncharov)]. *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Vestnik of Leningrad University]. Leningrad, 1967, № 14, Iss. 3, pp. 84–93. (In Russ.)
- Goncharov I. A. I. A. Goncharov v neizdannykh pis'makh k grafu P. A. Valuevu. 1877–1882 [I. A. Goncharov in the Unpublished Letters to Count Valuev P. A. 1877–1882]. Saint-Petersburg, Tipografiya Voeikova Publ., 1906, 64 p. (In Russ.)
- Goncharov I. A. *Neobyknovennaya istoriya: (Istinnnye sobytiia)* [An Uncommon Story (True events)]. I. A. Goncharov: *Novye materialy i issledovaniia (Literaturnoe nasledstvo. T. 102)* [I. A. Goncharov: New materials and research (Literary Heritage. Vol. 102)]. Moscow, Institute of World Literature, Nasledie Publ., 2000, pp. 184–326. (In Russ.)
- Goncharov I. A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collection of works: in 8 vols.] Moscow, Pravda Publ., 1952. (In Russ.)
- Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters by I. A. Goncharov: in 20 vols.]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997–. (In Russ.)
- Griboedov A. S. *Gore ot uma* [Woe from Wit]. Leningrad, Detskaia literatura Publ., 1975, 176 p. (In Russ.)
- Grigor'ev A. A. *Teatral'naia kritika* [Theatre Criticism]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1985, 408 p. (In Russ.)
- Denisenko S. V. "Mil'on terzanii" I. A. Goncharova v teatral'nom diskurse ["Myriad of Agonies" by I. A. Goncharov in the theatrical discourse]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 2008, № 2, pp. 122–130. (In Russ.)
- Denisenko S. V. *O prototipakh i personazhakh "Literaturnogo vechera" I. A. Goncharova. Iz zametok kommentatora k pervonachal'nomu i pechatnomu tekstam* [On the prototypes and characters of the "Literary evening" by I. A. Goncharov. From the notes of the commenter to the initial and printed texts]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 2012, № 2, pp. 90–97. (In Russ.)
- Ermolaeva N. L. I. A. Goncharov i A. N. Ostrovskii ob akterakh, teatral'nom repertuare i publike [I. A. Goncharov and A. N. Ostrovsky on the actors, theatre repertoire and the public]. *Dukhovno-nravstvennye osnovy russkoi literatury* [Spiritual and moral basics of the Russian literature]. Kostroma, KGU Publ., 2014, pp. 33–36. (In Russ.)
- Ermolaeva N. L. *Goncharov Ivan Aleksandrovich* [Goncharov Ivan Aleksandrovich]. *A. N. Ostrovskii: Entsiklopediia* [A. N. Ostrovsky: Encyclopedia]. Kostroma, Kostromaizdat; Shuia, ShGPU Publ., 2012, pp. 110–112. (In Russ.)

Zhuravleva A. I. "Pravda — khorosho, a schast'e luchshe" ["Truth is good, but Happiness is better"]. *Literatura v shkole* [Literature in School]. 1998, № 3, pp. 12–18. (In Russ.)

Ikuo Onisi. "Literaturnyi vecher" s točki zreniia metaliteratury ["Literary evening" from the point of view of metaliterature]. I. A. Goncharov: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posv. 195-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov: Materials of the international scientific conference devoted to the 195 anniversary of I. A. Goncharov]. Ulianovsk, OOO NIKA-dizain Publ., 2008, pp. 231–235. (In Russ.)

Koroleva M. L. *Chatskii — literaturnyi predshestvennik Raiskogo? (Griboedovskie reministsentsii v "Obryve" Goncharova)* [Was Chatsky a literary forerunner of Raiskiy? (Griboedov's reminiscences in "Precipice" by Goncharov)]. *Russkaia slovesnost'* [Russian literary writings]. 2008, № 2, pp. 11–15. (In Russ.)

Krasnoshchekova E. A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Alexandrovich Goncharov: the world of creative work]. Saint-Petersburg, Pushkin fund Publ., 1997, 496 p. (In Russ.)

Kropotkin P. A. *Zapiski revoliutsionera* [Words of a rebel]. London; Saint-Petersburg: Svobodnaia mys', 1906, 435 p. (In Russ.)

Liatskii E. A. *Goncharov: Zhizn' i tvorchestvo* [Goncharov: life and creative work]. Saint-Petersburg, Ogni Publ., 1912, 324 p. (In Russ.)

Meshcheriakov V. P. A. S. *Griboedov. Literaturnoe okruzhenie i vospriiatie (XIX — nachalo XX veka)* [A. S. Griboedov. Literary surroundings and reception (XIX–beg.XX centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 268 p. (In Russ.)

N. M. [Mikhailovskii N. K.]. *Literaturnye zametki* [Literary Notes]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. № 1. Section I. «Sovremennoe obozrenie», 1880, pp. 94–107. (In Russ.)

Prokopenko Z. T. M. E. *Saltykov-Shchedrin i I. A. Goncharov v literaturnom protsesse XIX veka* [M. E. Saltykov-Shchedrin and I. A. Goncharov in the literary process of the XIX century]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1989, 224 p. (In Russ.)

S-V. [Vengerov S. A.]. *Novoe proizvedenie I. A. Goncharova. Literaturnyi Vecher, ocherk (Russkaya Rech', yanvar', 1880)* [A New Work by I. A. Goncharov. Literary Evening, an essay (Russkaya Rech', January, 1880)]. *Russkii vestnik* [Russian vestnik]. 1880, № 1, pp. 440–462. (In Russ.)

Sorochan A. Iu. *Dva literaturnykh vechera: Zagoskin i Goncharov* [Two literary evenings: Zagoskin and Goncharov]. I. A. Goncharov: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posv. 195-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov: Materials of the international scientific conference devoted to the 195 anniversary of I. A. Goncharov]. Ulianovsk, OOO NIKA-dizain Publ., 2008, pp. 247–252. (In Russ.)

Surovtseva E. V. *Pis'ma I. A. Goncharova k P. A. Valuevu* [Letter of I. A. Goncharov to P. A. Valuev]. *Nauchnoe priznanie 2019. Sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa* [Scientific approval 2019. Collection of articles of the international scientific research competition]. Petrozavodsk, Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva "Novaia Nauka" Publ., 2019, pp. 29–35. (In Russ.)

Kholkin V. I. *Opyt vospominanii serdtsa v "Mil'one terzanii"* [The experience of the memoirs of the heart in the "Myriad of Agonies"]. *Goncharov posle "Oblomova". Sbornik statei. Materialy III Mezhdunarodnoi goncharovskoi konferentsii v Sankt-Peterburge*

[Goncharov after "Oblomov". Collection of articles. Materials of the international Goncharov conference held in Saint-Petersburg]. Tver', Izdatel'stvo Mariny Batasovoi Publ., 2015, pp. 243–257. (In Russ.)

Tseitlin A. G. *I. A. Goncharov* [I. A. Goncharov]. Moscow, AN SSSR Publ., 1950, 491 p. (In Russ.)

Chernets L. V. "*Kak slovo nashe otzovetsya...*" ["How our Word will come back Slanted..."]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995, 239 p. (In Russ.)

Shevchugova E. I. *Avtorskie strategii v kriticheskikh stat'iakh I. A. Goncharova* [Author strategies in the critical articles by I. A. Goncharov]. *Goncharov posle "Oblomova". Sbornik statei. Materialy III Mezhdunarodnoi goncharovskoi konferentsii v Sankt-Peterburge* [Goncharov after "Oblomov". Collection of articles. Materials of the international Goncharov conference held in Saint-Petersburg]. Tver', Izdatel'stvo Mariny Batasovoi Publ., 2015, pp. 258–272. (In Russ.)

Shelgunov N. V. *Talantlivaia bestalannost'* [Talented mediocrity]. *I. A. Goncharov v russkoi kritike. Sbornik statei* [I. A. Goncharov in Russian criticism. Collection of articles]. Moscow, GIKhL Publ., 1958, pp. 235–276. (In Russ.)